

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ ПЕРВЫЙ ГОД ВТОРАЯ СЕРИЯ

ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Состоялось в пятницу, 30 августа 1946 г.,
в 3 час. 30 мин. дня, в Лейк Соксес,
Нью-Йорк*

Председатель: ОСКАР ЛАНГЕ (Польша).

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

29. Предварительная повестка дня

1. Утверждение повестки дня.
2. Телеграмма министра иностранных дел Украинской Советской Социалистической Республики на имя Генерального Секретаря от 24 августа 1946 г. (док. S/137)¹.
3. Заявление представителя Союза Советских Социалистических Республик на пятьдесят седьмом заседании Совета Безопасности (док. S/114)².

30. Утверждение повестки дня

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): У нас на повестке три пункта, а именно: (1) утверждение повестки дня; (2) телеграмма министра иностранных дел Украинской Советской Социалистической Республики на имя Генерального Секретаря от 24 августа 1946 г.; (3) заявление представителя Советского Союза на пятьдесят седьмом заседании Совета Безопасности.

Я хочу напомнить Совету, что на одном из предыдущих заседаний делегат Нидерландов возражал против второго пункта повестки.

¹ Официальный отчет Совета Безопасности, первый год, вторая серия, Дополнение № 5, приложение 8.

² Официальный отчет Совета Безопасности, первый год, вторая серия, Дополнение № 5, приложение 9.

Передо мной два письма: одно от постоянного представителя Греции при Объединенных Нациях, другое от министра иностранных дел Украинской Советской Социалистической Республики.

Первое письмо, адресованное Генеральному Секретарю и датированное 26 августа, гласит:

“Настоящим подтверждаю получение Вашего письма от 26 августа 1946 г. и в ответ на него согласно указаниям правительства Греции, имею честь просить Вас поставить Председателя и членов Совета Безопасности в известность, что в соответствии со статьей 31 Устава Греция желает принять участие в прениях Совета Безопасности, связанных с обсуждением телеграммы министра иностранных дел Украинской Советской Социалистической Республики от 24 августа 1946 г., адресованной Генеральному Секретарю.

Василий Дендрамис,
посол и постоянный представитель
Греции при Объединенных Нациях”.

Другое письмо, также адресованное Генеральному Секретарю и датированное 29 августа 1946 г., гласит:

“Имею честь поставить Вас в известность, что по распоряжению правительства Украинской Советской Социалистической Республики я сегодня прибыл в Нью-Йорк для представления Совету Безопасности некоторых дополнительных сведений и необходимых разъяснений по вопросу о ситуации в Греции, о которой доведено до сведения Совета Безопасности моим правительством.

Прошу Вас не отказать уведомить Совет Безопасности о том, что я готов в любое время дать указанные разъяснения по вопросу, поднятому моим правительством.

Примите и проч.

Д. Мануильский,
министр иностранных дел
Украинской Советской Социалистической Республики”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласно статье 31 Устава "любой член Организации, который не является членом Совета Безопасности, может принять участие, без права голоса, в обсуждении любого вопроса, внесенного в Совет Безопасности, во всех тех случаях, когда Совет Безопасности находит, что интересы этого члена Организации специально затронуты".

Перед нами стоит вопрос о том, следует ли включить письмо представителя Украинской Советской Социалистической Республики в повестку дня.

Довод, выдвинутый против включения этого письма в повестку, заключается в том, что письмо не содержит достаточной информации. Поэтому я предлагаю Совету пригласить как представителя Греции, так и представителя Украины занять места за нашим столом, чтобы дать нам при обсуждении этого вопроса те пояснения, которые мы можем от них потребовать. Если против этого нет возражений, я попрошу представителей Греции и Украины занять места за столом Совета.

Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Это может быть правильно, хотя я не знаю, имеется ли прецедент, которым мы могли бы руководствоваться. Мне кажется, что обсуждение, к которому Совет готов приступить, является обсуждением, так сказать, предварительного вопроса, и что оно скорее походит на то, что у нас в Англии называют "частным делом", при рассмотрении которого Совет сам решает, следует ли расследовать данный вопрос.

Возможно, что вы правы, предлагая нам пригласить представителей непосредственно заинтересованных держав занять места рядом с нами. У меня в этом отношении только одно опасение, а именно, что обсуждение вопроса примет расплывчатый характер. Тем из нас, кому доводилось слушать речи одного из представителей, которым предлагается занять места за столом Совета, известно, что этот представитель излагает свои доводы в весьма пространной форме.

Мне кажется, что нам не следовало бы прямо тут же дать себя втянуть в обсуждение вопроса по существу, но если остальные члены Совета считают, что Совет не уполномочен выносить решения по вопросу, поднятому г-ном ван Клеффенсом при последнем обсуждении этого вопроса, я не стану против этого возражать. Я хочу только указать на возможные последствия такого шага и просить моих коллег подумать об этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Представитель Соединенного Королевства спрашивает, есть ли у нас какой-либо прецедент, имеющий отношение к данному случаю. Насколько мне известно, такого прецедента нет — по крайней мере, я его не припоминаю. Устав говорит об обсуждении любого вопроса. Это означает, что Устав предоставляет нам полную свободу действия.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Два дня тому назад на заседании Совета Безопасности голландский и английский представители заявили, что украин-

ское заявление, поданное в Совет Безопасности, будто бы необосновано. Вчера, на заседании Совета Безопасности английский представитель также заявил, будто бы обвинения по адресу Греции, содержащиеся в обращении правительства Украинской Советской Социалистической Республики являются необоснованными. Казалось бы, логическим выводом из такого рода высказываний является вывод о необходимости спросить, имеются ли у представителя правительства Украинской Советской Социалистической Республики дополнительные факты, которые подкрепили бы его обращение в Совет Безопасности.

Сегодня, предложение Председателя о том, чтобы украинский представитель высказал дополнительные соображения в связи с украинским заявлением, встречает почему-то возражение со стороны британского представителя. С одной стороны, он считает, что в украинском обращении недостаточно фактов, и что оно, якобы, мало убедительно. С другой стороны, он не хочет слышать о дополнительных фактах. Я допускаю, что эти факты могут быть неприятными для английского представителя. Тем не менее, как же примирить высказывание г-на Кадогана, имевшее место два дня тому назад, с его высказыванием на данном заседании? Повторяю, раз недостаточно кое для кого фактов, содержащихся в заявлении, и раз необходимы дополнительные факты, естественно, возникает необходимость выслушать сообщения об этих дополнительных фактах, тем более, что к нашим услугам здесь имеется представитель Украинской ССР.

В очень затруднительное положение поставил себя английский представитель. Я ему сочувствую в этом отношении. Но виноват только он сам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мне кажется, что здесь какое-то недоразумение. Если я правильно понял представителя Соединенного Королевства, он только выразил сомнение в целесообразности предложенной процедуры, а не возражал по существу.

Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Совершенно верно. Я выразил кое-какие сомнения. Я не был уверен, имеется ли у нас подходящий к этому случаю прецедент. Я просил вас рассеять мои сомнения, и вы очень любезно ответили мне, что прецедента нет.

Мне, однако, указали на факт, который не является, пожалуй, прецедентом в полном смысле слова, но может послужить нам известным руководством. Этот факт имел место во время рассмотрения иранского вопроса. Представителем Советского Союза было предложено отложить обсуждение этого вопроса на некоторое время, до определенной даты. Во время возникших тогда прений представитель Советского Союза сказал — это можно найти в "Журнале" № 20 на стр. 395 (английский и французский тексты): "Предложение, которое я внес, состоит в просьбе отложить до 10 апреля дискуссию по вопросу, поднятому иранским послом, в его письме от 18 марта."

Спрашивается, как же и на каком основании иранский представитель может принять участие в дискуссии по вопросу об отложении дискуссии?"

Я признаю, что это не является прецедентом в полном смысле слова, но мне кажется, это показывает, что, по мнению г-на Громыко, когда Совет занят рассмотрением процедурной стороны вопроса подобного характера, лица, не являющиеся членами Совета и в то же время непосредственно заинтересованные, не должны присутствовать. Я опасался только, чтобы мы как-нибудь не сделали ложного шага ввиду уже имеющегося прецедента. Вы, может быть, позволите мне сейчас на этом остановиться и воздержаться от ответа на остальные замечания, сделанные г-ном Громыко в его заявлении. Я хотел бы ответить на них в надлежащий момент. Если вам угодно, чтобы я сделал это сейчас, я согласен. В противном случае я отложу свой ответ до более поздней стадии наших прений и тогда, возможно, выскажусь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я бы предпочел, чтобы вы отложили свой ответ.

Е. Н. ван КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Представитель Соединенного Королевства только что напомнил нам о фазе обсуждения иранского вопроса, которая, по его мнению, представляет в известной степени аналогию с настоящим случаем, хотя и не вполне ему соответствует.

Я прекрасно помню, что во время прений по иранскому вопросу здесь, в Нью-Йорке, нам прежде всего, естественно, пришлось выяснить, включать ли этот вопрос в повестку дня или нет, и у меня ярко встает в памяти все, что потом произошло, так как я сам предложил — в стадии, вполне аналогичной той, в которой мы сейчас находимся в отношении украинской жалобы, — пригласить делегата Ирана занять место за нашим столом, что, однако, не было сделано. Г-н Громыко тогда сказал — я цитирую выдержку из отчета на стр. 395¹, — что он припомнил, что во время лондонского обсуждения иранского вопроса "в обсуждении вопросов процедуры, возникших в связи с этим делом, иранский представитель не принимал участия". Г-н Громыко тогда решительно воспротивился приглашению представителя Ирана, пока дело находилось в процедурной стадии.

Я считаю нужным напомнить об этом, так как мне кажется, что настоящий случай представляет в известной степени аналогию с иранским вопросом, но я хочу добавить, что я, по крайней мере, желаю быть вполне последовательным. Я сам тогда предложил выслушать представителя страны, которая в то время находилась, как говорят французы, *en cause*, и я, конечно, не стану возражать против того, чтобы дать представителям Греции и Украины возможность в настоящей стадии занять места за столом Совета.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу сказать буквально

несколько слов. Я хочу указать на то, что в заявлениях г-на ван Клеффенса и г-на Кадогана имеется противоречие. Я хочу им напомнить, что, при обсуждении процедурного вопроса в связи с рассмотрением Советом Безопасности иранского обращения, представитель Ирана был приглашен. Я повторяю, представитель Ирана был приглашен на заседание Совета Безопасности. В данном случае предложение о дополнительных фактах исходит от г-на ван Клеффенса и г-на Кадогана. Непонятно, как они могут возражать против предложения заслушать сообщение о дополнительных фактах. Они сами проявили инициативу, поставив данный вопрос на заседание Совета Безопасности.

Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не хочу делать определенных возражений против приглашения этих представителей занять места за столом Совета Безопасности. Решать это следует, конечно, Совету. Я позволю себе только указать на то, что у меня по этому поводу имелись некоторые сомнения. Данный мною ответ показывает, пожалуй, что у нас имеется прецедент. Я опять приведу цитату в подкрепление мною уже сказанного. Если вы помните, я сказал ранее, что я опасаясь, что результатом их приглашения будет то, что мы неизбежно втянемся в дискуссии по самому вопросу. Я плохо выразился. Разрешите мне привести то, что сказал г-н Громыко в связи с иранским вопросом, так как это звучит лучше: "Я... не смогу принять участие в дискуссии по данному вопросу и в заседании Совета Безопасности, в случае если иранский представитель будет приглашен принять участие в прениях, а, следовательно, в случае начала дискуссии по существу иранского заявления. А его участие в прениях означало бы начало дискуссии по существу вопроса".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Мы выслушали мнение некоторых представителей, и я не думаю, чтобы было целесообразно продолжать эту дискуссию, так как основные мнения нам известны, а потому я ставлю на голосование свое предложение пригласить к нашему столу представителей Греции и Украины. Я попрошу делегатов, одобряющих это предложение Председателя, поднять руку.

Результаты голосования следующие:

За:

Австралия
Бразилия
Мексика
Нидерланды
Польша
Союз Советских Социалистических Республик

Против:

Соединенное Королевство
Соединенные Штаты Америки
Франция

Воздержались:

Египет
Китай

¹ Journal of the Security Council, № 20, 30 March 1946.
Journal du Conseil de sécurité, № 20, 30 mars 1946.

А. ПАРОДИ (Франция) (*говорит по-французски*): Мне хотелось бы сказать несколько слов о мотивах своего голосования.

Я голосовал против предложения, так как считаю, что вопрос о том, следует ли включить тот или другой пункт в повестку дня, должен обсуждаться раньше всех других вопросов. Нельзя пригласить представителей стран, не являющихся членами Совета Безопасности, занять места за нашим столом, пока не будет разрешен основной вопрос о включении данного пункта в повестку дня.

31. Обсуждение жалобы Украинской Советской Социалистической Республики против Греции¹

Е. Н. ван КЛЕФФЕНС (Нидерланды) (*говорит по-английски*): Мы были так заняты другими вопросами с тех пор, как этот вопрос обсуждался последний раз, что, может быть, мне будет позволено весьма кратко резюмировать сказанное мною два дня тому назад. Мне казалось тогда, и все еще кажется, что украинская жалоба, состоящая из ряда непроверенных утверждений, построенных описательными прилагательными, но лишенных всяких доказательств, не может быть включена в повестку дня в том виде, в котором она представлена. Я подчеркиваю эти последние слова.

Если мы допустим, чтобы этот вопрос был поставлен на повестку в том виде, в каком он представлен, то существует опасность, что в будущем произойдут злоупотребления авторитетом Совета, так как мы будем в беспомощном положении всякий раз, когда какая-нибудь страна явится к нам с чисто фиктивной жалобой, которую нам придется беспомощно выслушать, став, таким образом, жертвами удачной попытки данной страны использовать этот высокий форум, как платформу для проведения своей национально-политической пропаганды. Это, очевидно, никогда не может и не должно быть ролью Совета Безопасности, так как такая роль была бы унижительной.

Во время двадцать пятого заседания Совета Безопасности г-н Громыко сказал следующее: "... Совет Безопасности до настоящего времени получил уже ряд писем и обращений, которые он не считал возможным включить в повестку дня. Такие обращения и письма могут поступать и в дальнейшем, и Совет Безопасности будет выносить по ним такое же решение. Мне кажется, что решение не включать подобных обращений в повестку было принято потому, что приведенные факты не были достаточно хорошо обоснованы".

На мой взгляд мы стоим сейчас именно перед такого рода вопросом. Кроме того, представитель Советского Союза сделал относительно моего первого заявления несколько замечаний, стенограмму которых я хотел бы иметь, прежде чем на них ответить. Я привожу из протокола, который теперь уже появился, выдержку, указывающую на то, что г-н Громыко приписал мне следующее:

"Г-н ван Клеффенс утверждает, что ситуация, описываемая в документе Украинской Советской Социалистической Республики, не заслуживает рассмотрения Советом Безопасности ввиду того, что, как он говорит, заявление, сделанное в этом документе не основано на фактах".

Я должен указать, что я никогда не говорил, будто украинская жалоба не заслуживает рассмотрения Советом, потому, что она не основана на фактах. Этого я никогда не скажу в настоящей стадии дискуссии. Что я действительно сказал, это — что вопрос не должен быть принят к обсуждению, пока не предъявлены хотя бы некоторые "prima facie" доказательства, достаточные для установления презумпции виновности, и пока у нас имеется только весьма многословное, но ни на чем не обоснованное, обвинение. Я сказал дословно следующее: "Я хочу совершенно определенно заявить: если украинское правительство выступит с надлежаще обоснованными обвинениями, которые убедят нас в том, что перед нами серьезное дело, я первый подам свой голос за включение вопроса в повестку дня. Но я возражаю против включения третьего пункта в том виде, в каком он представлен сейчас".

Опять же третьего дня я сказал: "Конечно, мы не имеем намерения не допустить Украину к представлению ее дела — отнюдь нет; но я заявляю, что всякое обращающееся к нам государство должно представить свое дело так, чтобы мы с первого же взгляда, могли считать, что дело это заслуживает рассмотрения. Ясно, что для этого требуются какие-нибудь хотя бы зачаточные обоснования, а их-то я и не нахожу в украинском изложении дела".

Вы заметите, что в приписываемых мне представителем СССР заявлениях изменено не только эмфатическое ударение или слегка извращен смысл мною сказанного. Разница между тем, что представитель СССР мне приписал, и тем, что я сказал, заключается в том, что я никогда не утверждал, будто украинский вопрос не заслуживает рассмотрения Советом, потому что он не основан на фактах, а сказал, что обращение к нам любого государства, которое дает лишь перечень ничем не подтвержденных утверждений, не может быть принято, если Совет не желает стать орудием частной политики и пропаганды той или другой стороны, вместо того чтобы быть самым авторитетным органом для разбора вопросов, действительно затрагивающих всеобщий мир.

Заметьте, что мои утверждения высказаны в весьма общей форме. В конце концов, как вчера выразился представитель Мексики, мы тоже высоко ставим моральные ценности и продолжаем сохранять по отношению к Объединенным Нациям известные идеалы, которые, мы надеемся, не являются простыми иллюзиями. Я придаю значение исправлению искажения моих слов г-ном Громыко — искажения, которое, я уверен, должно рассматриваться как неумышленное, — ибо я не желаю, чтобы мир вообще, или какая-либо нация в частности, неправильно и беспричинно считали, что расхождение во взглядах между СССР и другими государствами глубже, чем оно на самом деле. Я уверен, что преувеличение су-

¹ Официальный отчет Совета Безопасности, первый год, вторая серия, Дополнение № 5, приложение 8.

ществующей разницы во мнениях не принесет никакой пользы. Совершенно наоборот.

Вопрос совсем не в том, чтобы избежать обсуждения украинской жалобы, а в том, чтобы указать на то, что, пока эта жалоба не подтверждена в некоторой мере фактами, мы не можем включить ее в повестку. Я скажу, чтобы выразиться по возможности точнее, что нам необходимы какие-нибудь факты, которые бы сами по себе производили впечатление достаточной серьезности и обоснованности, чтобы оправдать включение в повестку дня вопроса, каким бы государством он ни был внесен. Этого-то как-раз и нет в украинском предложении, почему я и убежден, что это предложение в его настоящей форме — я опять это подчеркиваю — не может быть поставлено на повестку. Я мог бы даже допустить, что мы удовлетворились бы простым внесением просьбы выслушать представителя Украины, желающего обратить наше внимание на существование ситуации или спора. Такая просьба имела бы, по крайней мере, то достоинство, что она была бы лучше того набора эпитетов, а местами и брани, который мы имеем перед собой и который я считаю неприемлемым.

Поэтому я повторяю свою просьбу поставить на голосование предложение, внесенное в виде проекта предварительной повестки, о включении украинской жалобы в повестку дня.

П. ХАСЛУК (Австралия) (говорит по-английски): При рассмотрении одного из предшествующих случаев, когда мы обсуждали включение одного вопроса в повестку дня Совета Безопасности, австралийская делегация высказала свои соображения о принципах, которыми следует руководствоваться при включении того или другого вопроса. Наш представитель тогда заявил: “При включении вопроса в повестку следует руководствоваться только двумя соображениями . . . ” Первое заключалось в том, входит ли вопрос в компетенцию Совета Безопасности; второе — правильно ли вопрос представлен. На первый взгляд представляется, что вопрос, поднятый в обращении Украины, входит в компетенцию Совета Безопасности. Что касается второго вопроса, а именно, правильно ли он представлен, наша делегация без колебаний признает, что он направлен в надлежащую инстанцию и что он исходит из ответственных кругов, имеющих право подавать такого рода жалобы.

Но, когда мы говорим о правильности представления вопроса, мы имеем право, мне кажется, ожидать чего-то большего, чем выполнения тех двух требований, о которых я говорил. Я полагаю, что Совет имеет право рассчитывать, что всякие жалобы будут изложены в умеренных и корректных выражениях. Несмотря на то, что некоторые фразы в украинской телеграмме носят довольно эмоциональный и риторический характер, наша делегация не исключила бы этого вопроса из повестки лишь по причине неподобающей формы выражения, хотя мы должны сказать откровенно, что предпочли бы, если бы он был изложен иначе. Но то, что нас действительно несколько беспокоит — это вопрос, касающийся добросовестности украинской жалобы.

При тщательном ознакомлении с лежащей перед нами жалобой, у нас возникают некоторые сомнения относительно цели, которую эта жалоба преследует. При более внимательном рассмотрении вопроса, мы склонны думать, что украинское правительство, возбудив дело согласно статье 35 Устава, оказалось до известной степени ограниченным в отношении характера вопросов, на которые оно может обратить наше внимание. Оно может довести до нашего сведения только спор, а ясно, что тут спора, в строгом смысле слова, нет, как нет и ситуации в том смысле, как о ней упоминается в статье 34. Статья 34 определяет ситуацию, как любое положение, которое может привести к международным трениям или вызвать спор.

Многое в украинской телеграмме посвящено не столько описанию ситуации такого рода, сколько изложению обвинений против других членов Объединенных Наций. Мы хотим заявить со всей возможной ясностью что, по нашему мнению, Совет не призван тратить время на расследование простых обвинений, направленных по адресу других членов Объединенных Наций. Наше дело касается только таких ситуаций, которые описываются в статье 34.

Высказав это, мы все же готовы выбрать из украинской телеграммы те данные, которые кажутся подлежащими ведению Совета, отбросить то, что нам рисуется как недобросовестные обвинения, направленные против других членов Объединенных Наций, и обратить наше внимание исключительно на дела, подходящие под определение статьи 34.

Из текста последней фразы украинской телеграммы ясно, что вопрос, который правительство Украины желает поставить на обсуждение Совета Безопасности, и который оно просит нас включить в повестку, и есть именно вышеописанная ситуация. Фраза эта гласит: “Прошу Вас внести на повестку дня вопрос о ситуации на Балканах, являющейся следствием политики греческого правительства и угрожающей поддержанию международного мира и безопасности, так же как и вопрос о мерах, которые Совет Безопасности должен немедленно принять для устранения этой угрозы миру”.

Часть этой заключительной фразы как будто содержит в себе возможное решение Совета, а не пункт, который должен быть поставлен на повестку. Согласно Уставу право решать, на основании данных производимого расследования, угрожает ли ситуация поддержанию международного мира и безопасности или нет, принадлежит Совету Безопасности. Таким образом, если отбросить это, как нечто, чего предпринимать сейчас нельзя, у нас останется только одна простая фраза, одно простое предложение для включения в повестку: “Ситуация на Балканах, являющаяся следствием политики греческого правительства . . . ” Вот эта фраза нам кажется довольно неопределенной и недостаточно ясной, чтобы ее поставить на повестку дня. Означает ли она, что мы должны рассматривать только вопросы, являющиеся следствием политики греческого правительства?

Мне кажется, что, когда мы обращаем внимание на ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, мы должны рассматривать не только аспекты ситуации, которые являются результатом политики греческого правительства, но и те аспекты, которые могут явиться последствиями политики других правительств, — правительства Греции, правительства Соединенного Королевства и правительств соседних стран, которые, возможно, способствовали созданию этой ситуации.

Таким образом, хотя мы колеблемся, возражать ли против включения этого вопроса в повестку дня, нам, конечно, было бы желательно, чтобы точное содержание вопроса, который будет поставлен на повестку, было сформулировано значительно яснее. Поскольку это касается нашей делегации, нам хотелось бы также, если этот вопрос вообще будет поставлен на повестку дня, чтобы не было сомнений в том, что, по нашему мнению, данный вопрос есть вопрос о балканской ситуации, притом не только балканской ситуации, являющейся следствием политики греческого правительства, а балканской ситуации в тех именно ее аспектах, которые, по мнению Совета Безопасности, представляют опасность создания международных трений.

К этому мне хотелось бы добавить, что, поскольку мы понимаем создавшееся положение, как только этот вопрос будет включен в повестку дня, делом Совета Безопасности будет ясно определить, какие именно стороны вопроса он будет обсуждать, учитывая, что роль Совета ограничивается только его ответственностью за поддержание международного мира и безопасности.

Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я надеюсь, что вы согласитесь со мною, что сейчас, быть может, наступил подходящий момент для моего ответа на некоторые замечания нашего советского коллеги. Я не знаю, случайно ли это или умышленно, но г-н Громыко постоянно не так понимает или, по крайней мере, неправильно передает смысл мною сказанного. Я не могу, конечно, точно процитировать его слова. Но он намекнул на то, что я поставил себя в ничем не оправдываемое положение тем, что я, с одной стороны, утверждал, что не было приведено достаточных фактов в обоснование обвинений, выдвигаемых г-ном Мануильским, а, с другой стороны, будто бы хотел помешать ему привести эти факты. Это, конечно, совершенно не так. И не об этом вовсе мы сейчас говорим. Мы обсуждаем в настоящий момент недавно поднятый представителем Нидерландов вопрос о том, может ли Совет по правилам принять документ, представленный украинским представителем в той форме, в которой этот документ сейчас находится. Это совсем другой вопрос.

В документе, который был разослан членам Совета Безопасности и получил широкое распространение уже с неделю тому назад, представитель Украины делает ряд заявлений общего характера, в общих выражениях, указывая на существование серьезного и прискорбного положения вещей в Греции. Все это заявления общего характера, никакими фактами не подтвержден-

ные. Мало того, он обвиняет Грецию в агрессивных намерениях по отношению к другим странам. Опять-таки не приведено никаких фактов, указывающих на то, что Греция предпринимает какие-либо агрессивные действия или намеревается предпринять такие действия против одного из своих гораздо более сильных соседей. Но мне особенно хочется подчеркнуть в данный момент, что г-н Мануильский в своем документе попросту приписывает это прискорбное положение вещей действиям британского правительства и присутствию британских войск в Греции. Он обвиняет британские войска в прямом вмешательстве во внутренние дела Греции на пользу тем, кого он называет "агрессивными монархическими элементами".

Он не приводит ни одного факта или довода в обоснование своего утверждения. Он с легким сердцем бросает обвинение нам, англичанам, возлагая на нас главную ответственность за все, что при существующей в этой части света обстановке может представиться неправильным. Более того, мне кажется, что его сообщение должно истолковываться, как обвинение правительства Соединенного Королевства в нарушении пункта 2 статьи 1 Устава Объединенных Наций. Это действительно весьма тяжкое обвинение. Мне представляется, что оно должно было быть представлено в форме серьезного заявления, но, на мой взгляд, этого в данном случае нет.

Вчера я сказал, что это дикое обвинение. Я это повторяю. Моему советскому коллеге как будто не понравилось это заявление. Могу ли я задать ему вопрос, как бы он себя чувствовал, если бы я представил в Совет Безопасности неподдержанную какими-либо фактами письменную жалобу о том, например, что из-за тактических приемов некоторых правительств, включая его собственное, создалась серьезная ситуация, повлекшая за собой кризис среди Объединенных Наций и дискредитирующая Совет Безопасности тем, что ставит перед ним по посторонним и не относящимся к делу соображения необдуманные контробвинения для отвлечения внимания от истинной сути спора или для того, чтобы помешать исправлению действительных злоупотреблений. Я задаю себе вопрос, чтобы он сказал на это, а это было бы вряд ли хуже, чем обвинить члена Организации в нарушении Устава Объединенных Наций.

Я хочу совершенно определенно заявить, как я это уже сделал раньше, что мое правительство не желает препятствовать обсуждению какого бы то ни было вопроса, надлежащим образом представленного Совету и требующего его внимания. Оно внесет возможно полную долю сотрудничества в рассмотрение такого вопроса. Что беспокоит мое правительство, это примененный в данном случае прием использования Совета Безопасности для широкого распространения необоснованных обвинений с целью вызвать сразу же предубеждение против других членов Объединенных Наций. Если бы этот прецедент нашел последователей, то, без сомнения, последствия пали бы в конечном итоге на голову тех, кто этот прецедент создал, но мое правительство опасается,

что при этом престиж и достоинство Совета Безопасности были бы серьезно поколеблены.

Я надеюсь поэтому, что возможно будет убедить представителя Украины заменить свое недавнее сообщение более сдержанным и менее красочным документом, сжато резюмирующим имеющиеся на лицо доказательства заключающихся в нем обвинений. Этот документ не должен быть обязательно очень полным, но он должен, мне кажется, содержать доказательства, достаточные для того, чтобы дать Совету возможность установить, имеется ли основание для возбуждения дела или нет. Я склонен согласиться с представителем Нидерландов, который указал, если я его правильно понял, что возможны два способа обратить внимание Совета на это дело.

Можно просто просить Совет рассмотреть определенную ситуацию в какой-либо части света или можно представить жалобу, подтвержденную доказательствами, достаточными на первый взгляд для возбуждения дела. Но что я считаю непозволительным, это, не предприняв ни того ни другого, избрать средний путь, а именно — сначала поднять вопрос о создавшейся ситуации, а потом предъявить ряд обвинений без каких-либо обосновывающих доказательств.

Вот почему я прошу Совет не включать украинское сообщение в его настоящем виде в повестку дня, ибо, сделав это, Совет подпишется под процедурой, против которой я самым энергичным образом протестую и которая, я думаю, будет чрезвычайно опасна для Совета Безопасности и для Объединенных Наций.

П. Л. ВЕЛЛОЗО (Бразилия) (*говорит по-французски*): Мы стоим перед действительно сложным вопросом, требующим известного обсуждения.

Я не возражаю против того, что Украина представила данное дело Совету Безопасности, я настаиваю только на вопросе формы. Мне бы хотелось, чтобы Украина представила это дело в форме, более для нас приемлимой, т. е. в форме более обоснованной.

Иными словами, я разделяю мысли представителя Нидерландов, а также согласен с доводами, приведенными представителем Австралии в его заявлении.

Я основываю свой взгляд на различного рода соображениях: речь идет, главным образом, о достоинстве Совета, и поэтому просьба министра иностранных дел Украины должна быть обоснована, согласно статье 35 Устава, которая ссылается на статью 34.

Министру иностранных дел Украины, который здесь присутствует, будет нетрудно представить Совету, при первом удобном случае, более обоснованный документ по возбужденному им вопросу. Я уверен, что мы все будем тогда готовы принять его здесь и предоставить ему возможность изложить свою точку зрения перед Советом Безопасности.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Вопрос, который был поднят перед Советом Безопасности правительством Украинской Советской Социалистической Респу-

блики, является весьма серьезным вопросом, как бы некоторые члены Совета ни пытались умалить значение этого вопроса. Это вопрос о таком состоянии отношений между Грецией и Албанией, которое, если Советом Безопасности не будут предприняты соответствующие меры, может представить серьезную угрозу миру на Балканском полуострове, а, следовательно, и всему делу поддержания мира и безопасности.

Точку зрения украинского правительства не разделяют некоторые члены Совета Безопасности, заявляя, будто бы украинское обращение недостаточно убедительно и поэтому не должно рассматриваться. Но я спрашиваю, на каком основании можно делать такие заявления. Ведь любое заявление, поступающее в Совет Безопасности, как правило, вначале лишь ставит вопрос, который, по мнению правительства поставившей его страны, требует рассмотрения Советом Безопасности. Затем вызывается представитель государства, обращающегося в Совет Безопасности, для участия в обсуждении этого вопроса на заседании Совета. Вызывается для того, чтобы заслушать дополнительные мотивы и соображения, заставившие то или иное правительство поставить данный вопрос перед Советом.

Спрашивается, на каком основании г-н ван Клеффенс и г-н Кадоган пришли к выводу, будто бы вопрос, поставленный в украинском обращении перед Советом Безопасности, не заслуживает рассмотрения. А ведь таков смысл позиции, которую заняли с самого начала г-н ван Клеффенс и г-н Кадоган. Г-н ван Клеффенс заявляет, что он не может согласиться с включением украинского обращения в повестку дня якобы на том основании, что оно предоставлено не в соответствующей форме. Но он не мог раскрыть, что он понимает под термином "форма". Смысл его заявления состоит в том, будто бы украинское обращение не подтверждается фактами.

Я уже указывал в своем первом выступлении сегодня на то, что, если у некоторых членов Совета Безопасности имеются сомнения в том, насколько убедительным является обращение правительства Украинской Советской Социалистической Республики, то естественно было бы потребовать, чтобы представитель Украинской Советской Социалистической Республики дал дополнительные факты и разъяснения. Но ведь оказывается, что некоторые члены Совета не хотят и слышать об этих дополнительных фактах, хотя и говорят, что украинское обращение не вполне обосновано. Если это называется логикой, тогда я не знаю, что называется противоположностью логики.

Относительно действительного положения на Балканах в связи с вопросом, поднятым представителем Украинской Советской Социалистической Республики, сейчас всему миру известно, — я не сомневаюсь, что это известно и г-ну Кадогану, и г-ну ван Клеффенсу, — что на греко-албанской границе имеют место многочисленные пограничные инциденты, столкновения, в которых принимают участие вооруженные военные отряды. Всему миру известно о том, что в результате налетов со стороны территории Греции гре-

ческих вооруженных отрядов на территорию Албании имеются убитые и раненые, в том числе из гражданского населения. Эти факты зафиксированы в официальных документах албанского правительства. В распоряжении Совета Безопасности имеется меморандум, представленный албанским правительством в связи с рассмотрением заявления Албании о приеме в Объединенные Нации. Там также приведены официальные данные относительно пограничных инцидентов на греко-албанской границе.

Я спрашиваю: является ли такое явление, как пограничные вооруженные столкновения, событием, заслуживающим внимания Совета Безопасности? Несомненно является. Такие события заслуживают внимания Совета Безопасности. Могут сказать, что Греция является небольшой страной, а Албания еще меньшей страной, поэтому опасность в результате таких столкновений невелика. Я не считаю необходимым напоминать Совету Безопасности о том, что многие большие войны начались с небольших и незначительных, казалось бы на первый взгляд, инцидентов. А позже из искры загоралось пламя и народы несли неисчислимые жертвы в результате событий, которые в начальной стадии их развития не оказались под контролем сил, способных предотвратить возникновение военных действий. Значит, тот факт, что обе страны являются небольшими странами, не должен умалять значения и опасности событий, имеющих место на греко-албанской границе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Позвольте мне на минуту прервать представителя Советского Союза. Я хочу только сообщить членам Совета, что я заметил, что г-н Хсиа, представитель Китая, удалился в 5 час. 30 мин., и что его место с 5 час. 30 мин. занял г-н Шу-хси Хсу.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Ненормальное положение, создавшееся в отношениях между Грецией и Албанией, и провокационное поведение греческих властей в отношении Албании, включая провоцирование пограничных инцидентов, не могут не оказывать влияния на другие районы, не могут не оказывать влияния на общую международную политическую атмосферу и не отравлять этой атмосферы. Это особенно необходимо учесть в настоящее время, когда союзные государства пытаются ликвидировать последствия второй мировой войны, построить здание прочного мира.

Обстановка, которая создалась на греко-албанской границе и вообще в отношениях между Грецией и Албанией, способна, если не будут предприняты соответствующие меры, вызвать серьезные осложнения не только локального порядка. Греция и Албания не находятся под колпаком. Последствия опасного положения, созданного в связи с такими отношениями между этими двумя странами, могут серьезно затронуть и другие страны, прежде всего балканские.

При рассмотрении украинского обращения Совет Безопасности должен исходить не из того, затрагиваются ли этим обращением интересы того или иного правительства, представленного в

Совете Безопасности, а из интересов поддержания мира и безопасности. Вот критерий, которым необходимо руководствоваться при определении отношения к обращению правительства Украинской Социалистической Советской Республики. К сожалению, я должен констатировать, что некоторые члены Совета руководствуются не этим соображением, а другими соображениями, не имеющими ничего общего с характером и степенью серьезности вопроса, который был поставлен в украинском обращении.

Представитель Великобритании, выступая на заседании Совета два дня тому назад с критикой украинского обращения, указал на то, что содержащееся в этом обращении обвинение, направленное по адресу Великобритании в связи с присутствием британских войск в Греции, является будто-бы необоснованным обвинением.

Г-н Кадоган в известном смысле облегчил мою задачу. Я должен сказать, что, сделав такое заявление, он откровенно и прямо показал, почему он, собственно говоря, отрицательно относится к украинскому обращению и возражает против его рассмотрения. Получается, что такое отношение к украинскому обращению объясняется тем, что в украинском обращении затронут вопрос о присутствии британских войск в Греции и о влиянии британских войск на политику греческого правительства, в том числе на внешнюю политику.

Я допускаю, что при рассмотрении украинского обращения интересы некоторых государств, представленных в Совете, будут затронуты. Но разве мы должны исходить при определении отношения к вопросу, поставленному в украинском обращении, из того, затрагивает ли этот вопрос интересы того или иного государства, представленного в Совете Безопасности? Я считаю, что исходить нужно не из этого и не этим соображением нужно руководствоваться. Я повторяю, руководствоваться необходимо в этом вопросе, в вопросе о присутствии британских войск в Греции, только интересами необходимости поддержания мира и безопасности, интересами оздоровления обстановки на Балканах, поощрения между государствами добрососедских отношений и развития дружественных отношений между странами.

Я хочу ответить г-ну Пароди в связи с его заявлением о том, что логично было бы сначала решить вопрос, включать ли в повестку дня украинское обращение или нет, а потом пригласить украинского представителя принять участие в дискуссии. Ведь то, что произошло на заседании Совета Безопасности сегодня, как раз подтверждает необходимость и обоснованность предложения о приглашении украинского представителя принять участие в дискуссии. Г-н Пароди, я надеюсь, слышал заявление о том, что для некоторых членов Совета украинское обращение кажется недостаточно убедительным.

Здесь говорят о форме обращения. Последнее будто бы представлено не в надлежащей форме. Но вдумавшись в заявления, сделанные некоторыми членами Совета, неизбежно приходишь к выводу, что в данном случае разговоры о форме — это эквилибристика. В самом деле, конечно, речь не в форме, а в существе заявления и в от-

ношении к нему некоторых государств. Заявление, которое сделал сегодня нидерландский представитель, похоже на заявление, которое в свое время сделал британский представитель при обсуждении вопроса об Индонезии.

Заявление, которое сделал сегодня британский представитель, очень похоже на заявление, которое сделал в свое время в Совете нидерландский представитель при обсуждении вопроса о выводе британских войск из Греции. Я считал необходимым отметить и этот факт просто потому, что я хочу быть откровенным и показать действительные мотивы, в силу которых украинское обращение не считается убедительным.

Представитель Австралии заявил, что украинское обращение ему не нравится с точки зрения языка. Мне не совсем ясно, что он конкретно имел в виду. Повидимому, он хотел сказать, что язык украинского обращения является чересчур резким. Мне это напоминает обсуждение на первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи в Лондоне одного вопроса, относящегося к территориальной опеке. Речь шла о том, должно ли местное население подопечных территорий иметь право обращаться в Совет по Опеке с жалобами на государство, являющееся административной властью, и о том, в какой форме эти заявления должны представляться в Совет по Опеке. Представители некоторых государств, по понятным причинам, весьма чувствительно воспринимают всякие вопросы, которые так или иначе касаются зависимых и самоуправляющихся стран и территорий.

Они доказывали тогда, что петиции и жалобы, исходящие от местного населения, должны быть написаны хорошим и негрубым языком. Это выдвигалось в качестве одного из условий, необходимых для того, чтобы такие петиции рассматривались в качестве подходящих, приемлемых и законных. Конечно, с такими доводами Генеральная Ассамблея не согласилась, и такое предложение не было принято. Я вспомнил об этом факте по аналогии, и только по аналогии.

Из выступления австралийского представителя можно сделать только один вывод, а именно, что в обращении, содержащем обвинение по адресу того или иного государства, обращающееся правительство не должно применять чересчур грубый язык, а должна применять мягкий язык и в красивых фразах выразить обвинение. Но я не знаю, почему и с каких пор обвинения одной страны против другой должны быть выражены языком, который обладал бы всеми качествами французской вежливости. Я употребил это выражение "французская вежливость" в прямом смысле, без какой-либо задней мысли. Я хочу подчеркнуть, что, конечно, вопрос формы, вопрос языка и стиля украинского обращения, — вопросы совершенно второстепенные и к делу не относящиеся. Они здесь притягиваются искусственно. Доводы представителя Австралии не имеют никакого веса и никого не могут убедить.

Александр КАДОГАН (Соединенные Королевство) (*говорит по-английски*): Возможно, что я ослышался, но мне показалось, что английский переводчик, в том, что он сказал несколько ранее

последней фразы, передал слова г-на Громыко в том смысле, что я заявил будто присутствие войск Соединенного Королевства в Греции касается только Соединенного Королевства. Я спросил г-на Громыко, действительно ли он это сказал. Мне кажется, что переводчик не так понял. Мне хотелось бы, чтобы это было исправлено, и чтобы эта фраза не попала в отчет, так как это, разумеется, не соответствует действительности.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик) (*говорит по-английски*): Я этих слов, конечно, не говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Я предлагаю, чтобы стенографическая запись была позже передана на просмотр представителям Соединенного Королевства и Союза Советских Социалистических Республик.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Британский представитель, выступая на сегодняшнем заседании, высказал мысль о том, будто бы факт представления украинского обращения Совету Безопасности показывает, что кое-кто пытается использовать Совет Безопасности не так, как его следовало бы использовать. Я заявляю категорически, что такое утверждение британского представителя является совершенно необоснованным. На каком основании он сделал такой вывод? Ведь британский представитель не хочет даже обсуждать вопрос, поставленный украинским обращением. Он избегает такого обсуждения. Как же можно притти к выводу и утверждать, что подать такое заявление в Совет Безопасности — это значит, пытаться использовать Совет Безопасности не так, как это должно быть.

Я должен заявить, что не только правительство Украинской Советской Социалистической Республики обращает внимание на совершенно ненормальное положение, существующее на Балканах в связи с поведением и политикой теперешнего греческого правительства в отношении Албании. Аналогичные голоса раздаются и в других странах, в больших и малых странах. Такие голоса слышны в Греции. Такие голоса слышны и в Великобритании. Все чаще и чаще раздаются голоса о том, что положение, создавшееся в Греции, является ненормальным и чреватым серьезными последствиями. Есть прямая связь между политической обстановкой в Греции и внешней политикой нынешнего греческого правительства. Поэтому факты, относящиеся к политическому положению внутри Греции, также представляют большой интерес и заслуживают внимание Совета Безопасности, в связи с внешней политикой теперешнего греческого правительства.

Я хочу обратить внимание на заявление, которое сделали в мае месяце с. г. соотечественники г-на Кадогана. Агентство Рейтер передало 16 мая печати доклад г-на Лесли Солли, одного из трех лейбористских членов парламента, возвратившихся тогда из Греции. В этом докладе говорится:

"Греция быстро превращается в фашистское государство. К такому заключению едино-

душно пришли члены парламента, которые провели две недели, изучая условия в Греции, Норман Доддс, Станли Тиффани и я, заявляет член парламента Лесли Солли. Через два часа после нашего прибытия мы услышали, что два члена Греческой демократической ассоциации, гостями которой мы являлись, были избиты полицией и заключены в одну из афинских тюрем. Их преступление заключалось в том, что они собирали взносы по подписному листу. Мы произвели расследование и обнаружили, что услышанное нами было правдой. На совещании с членами исполнительного комитета Совета афинских профсоюзов нам представили подробные данные об убийстве 86 профсоюзных деятелей и других демократов после выборов. Во многих случаях имена убийц, являющихся членами монархической организации "хитосов", были известны представителям жандармерии. Однако, не было произведено ни одного ареста".

Г-н Солли заявил 17 июня в Париже, что

"Греция, прикрываясь демократией, быстро становится страной полного фашизма". Далее он заявил: "То, что меньше всего желает греческий народ — это гражданской войны. Если нынешняя политика не изменит своего направления, демократы вынуждены будут защищаться. Таково мнение греческого государственного деятеля, притом самого умеренного, г-на Софулиса, бывшего тогда председателем Совета министров. Гражданская война в Греции неизбежна, если в результате плебисцита будет провозглашено возвращение короля".

Советский посол в Афинах получил 3 мая 1946 года письмо, подписанное руководителями ряда греческих демократических партий и организаций, в частности, представителями союза левых демократов, и союза левых либералов, представителями центрального комитета политической коалиции партии ЭАМ, коммунистической партии, крестьянской партии, радикально-демократического союза, социалистической партии и демократического союза. В этом письме, адресованном советскому послу, говорится, в частности, следующее:

"Самой характерной чертой этой новой волны террора является тот факт, что в разгромах и убийствах главную роль играют органы власти. Факт понятен, поскольку подстрекательство исходит свыше. Этот дикий террор министр общественной безопасности объясняет послевыборным разгулом, который премьер-министр считает естественным. При наличии такого невыносимого положения, народ, который подвергается убийствам и избиениям, вынужден прибегнуть к самообороне для защиты своей жизни. И в то время, как предупреждения преследуемых граждан должны были бы пробудить правительство принять решения и меры, которые положили бы конец преступной деятельности его органов, правительство взяло противоположный курс с целью ухудшения вместо улучшения и без того уже невыносимого положения"

В конце письма подписавшиеся представители демократических партий организации заявляют:

"Мы, нижеподписавшиеся, представители демократических левых партий, принимая во внимание все ухудшающееся положение в стране, желаем своевременного эффективного содействия со стороны союзных великих держав для установления, в конце концов, демократического порядка в этой многострадальной стране. Мы не в состоянии представить себе, что греческий народ после стольких жертв, понесенных им в общей борьбе за демократию и свободу, и в дальнейшем окажется в плену предателей и преступников".

Я зачитал заявления не советского представителя, а представителей других стран — Великобритании и греческих демократических партий, в которых дается характеристика положения в Греции. Я затронул этот вопрос потому, что, как я уже указал, существует прямая и непосредственная связь между обстановкой в Греции и политикой нынешнего греческого правительства. Могут сказать, что обстановка в Греции — это внутреннее дело Греции. Но едва ли есть необходимость развешивать пространную аргументацию о том, что внутренняя обстановка является внутренней до тех пор, пока эта обстановка не создает международных осложнений и не порождает угрозы поддержанию мира и безопасности.

Как только внутренняя обстановка создает серьезное внешнее осложнение и порождает угрозу миру, Устав Объединенных Наций обязывает Совет Безопасности рассматривать ситуацию, хотя бы и вытекающую из этой внутренней обстановки. В данном случае как раз такая ситуация имеет место.

Колоссальное влияние на всю обстановку в Греции оказывают профашистские, террористические группы "хитосов". В этой связи можно упомянуть о том, что бывший премьер Греции Софулис сам подтвердил факт громадного влияния фашистских элементов "хитосов" на политическую обстановку в Греции.

Учитывая это обстоятельство, учитывая то, что между внешней политикой теперешнего греческого правительства, его агрессивной политикой в отношении соседних государств, и положением в самой Греции, существует прямая связь, доводы, что Совет Безопасности будто бы не может интересоваться обстановкой в Греции и не должен ее касаться, являются доводами неубедительными и неправильными по существу.

Я мог бы привести много фактов, подтверждающих, какое сильное отрицательное влияние на всю политическую ситуацию в Греции и на внешнюю политику теперешнего правительства оказывает присутствие британских войск в Греции. В свое время, представитель Советского Союза в Совете Безопасности обращал внимание Совета Безопасности на это обстоятельство. Можно привести и теперь многочисленные доказательства, подтверждающие правильность этого утверждения. Такие факты, конечно, известны многим. Они имеются не только в моем распоряжении, но, не сомневаясь, и в других членах Совета Безо-

пасности. Они имеются в распоряжении многих демократических организаций и руководителей в других странах. Они известны многим американским политическим деятелям, американским профсоюзным деятелям, некоторым членам американского конгресса, членам британского парламента. На эти факты уже неоднократно обращалось внимание мирового общественного мнения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Еще два представителя просят слова: представители Соединенных Штатов и Мексики. Генеральный Секретарь обращает мое внимание на то, что вчера мы переутомили переводчиков и персонал Секретариата тем, что держали их без перерыва так долго, и мне кажется, что он прав. Мне хотелось бы избежать этого сегодня. Нельзя ли будет сейчас либо сделать перерыв на один час, либо назначить новое заседание в начале будущей недели? В этом, мне кажется, мы должны считаться главным образом с мнением просивших слова представителей. Я лично ничего не имею против возобновления заседания сегодня вечером.

Генеральный Секретарь говорит, что для представителей обед готов, и я хотел бы предложить перерыв на час.

Х. В. ДЖОНСОН (Соединенные Штаты) (*говорит по-английски*): То, что я хочу сказать, займет лишь несколько минут, и я хотел бы это сказать сейчас.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ (*говорит по-английски*): Мне кажется, что я имею право говорить от имени наших сотрудников. Я знаю, что есть еще два оратора, а затем начнутся прения. Неужели мы не можем стать на время практичными людьми и дать себе три четверти часа отдыха? Затем, после восьми часов вечера, г-н Джонсон будет первым оратором.

Х. В. ДЖОНСОН (Соединенные Штаты) (*говорит по-английски*): Я вношу предложение прервать заседание теперь же до трех часов дня во вторник.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Согласен ли с этим представитель Мексики? В таком случае, раз возражений нет, я откладываю заседание до трех часов, во вторник. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 ч. 10 м. вечера.